

О.В. ПАВЛЕНКО

РОССИЯ И АВСТРО-ВЕНГРИЯ СЕРЕДИНЫ XIX – начала XX века: ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ

Тема “империи модерна и национализм” – неисчерпаема: историки много лет изучают механизмы взаимодействия национальной среды и имперских реалий¹. На рубеже XIX–XX вв. в Российской и Австро-Венгерской империях сложилась во многом схожая ситуация: наряду с формированием общеимперской идентичности складывались и национальные проекты. Между национальными и общеимперскими установками неизбежно возникали острые противоречия.

Сложность исследования этой темы состоит в том, что конфликтная общность органично вписывалась в государственное пространство, а ее внутреннее “единство противоположностей” скреплялось традиционной лояльностью к правящей династии и лично к императору.

Российская и Австро-Венгерская империи во второй половине XIX – начале XX вв. создавали два разных по своей сути проекта государственной идентичности, рассчитанных на многонациональные и многоконфессиональные государства. Однако цель этих проектов была похожа: усиление лояльности подданных к власти и престолу.

ИСТОРИКИ О ПРЕЗЕНТАЦИИ ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ РОССИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Исследователи истории и теории национализма считают рубеж XIX–XX вв. апофеозом национализма в Европе². В 1870-е годы ведущие мировые государства вступают в стадию империализма³. Резкое усиление национал-мессианских идей, расизма и ксенофобии в общественных настроениях и политической риторике стали отличительными признаками переходной эпохи конца XIX – начала XX вв.⁴

Профессор Принстонского университета (США) Э. Джентиле назвал еще одну важную черту этой эпохи: нарастание процесса сакрализации политики европейских империй: “Принцип национального суверенитета, основанный на национализме, стал наиболее универсальной демонстрацией процесса сакрализации политики в современном мире и воспроизвел значительное количество идеологий, культурных и религиозных традиций”⁵.

Павленко Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук, заместитель директора Историко-архивного института (ИАИ) Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), руководитель Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ.

¹ Das Gewerbe der Kultur. Kulturwissenschaftliche Analysen zur Geschichte und Identität Österreichs in der Moderne. Innsbruck, 2001; *Lindström F.* Empire and Identity. West Lafayette (Indiana), 2008; *Giloi E.* Monarchy, Myth, and Material Culture in Germany 1750–1950. Cambridge, 2011.

² *Hobsbaum E.J.* Nations and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1991; *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – Нации и национализм. М., 2002.

³ *Porter A.* European Imperialism, 1860–1914. Studies in European History. London, 1994.

⁴ *Ballhatchet K.* Race, Sex and Class under Raj: Imperial Attitudes and Policies and their Critics, 1793–1905. London, 1980; *Said W. Edward.* Culture and Imperialism. London, 1993.

⁵ *Gentile E.* Politics as Religion. Princeton, 2006, p. XVIII.

В книге “Политика как религия” Джентиле проанализировал процесс, который с XVIII в. набирал силу в странах Европы и США. Институты власти постепенно стали присваивать, прямо или опосредованно, элементы традиционных религий. Заимствованные мифы и ценности, символы и ритуалы, получали новые смыслы и вводились в сферу публичной политики. По мнению Джентиле, существовали “гражданская религия” и “политическая религия”; они различались соотношением общественного и государственного начал, а также уровнем развития гражданских свобод. “Гражданская религия”, согласно Джентиле, развивалась в политической системе, гарантировавшей плюрализм идей и их свободную конкуренцию в пространстве власти. “Политическая религия”, напротив, основывалась на идеологическом монизме, обязательной субординации индивидуального и коллективного. Несмотря на некоторое упрощение, концепция Джентиле содержит важную мысль об общности политических процессов в европейских государствах и качестве развития гражданского общества.

Политика, вторгаясь в пространство религии, имитировала формы массового поклонения, подменяя святыни кодами коллективной идентичности. Религиозные ритуалы и символика постепенно интегрировались государственной идеологией. В обществах, где развивались модернизационные процессы, новой секулярной религией, по сути, становился национализм. В ряде государств Европы и в США под влиянием “культа нации” мифы об исторической миссии своего народа превращались в реальность, все больше вовлекая граждан в “священное служение” нации, отечеству. Для этой цели создавались символы, проводились ритуалы и отмечались праздники. Существует обширная литература, посвященная исследованию функций и символики массовой идентичности индустриальной эпохи⁶. Активно разрабатывался системный проект власти, содержащий ответ на сепаратистские национальные движения в имперских государствах, радикально-демократические настроения интеллигенции и молодежи, социальные противоречия и протестные движения рабочих в промышленных центрах.

Для сплочения населения вокруг институтов государственной власти требовались новые “скрепы” – проявления общественного сознания, мобилизационные ресурсы, которые смогли бы объединить разнородные социальные и национальные группы в современную буржуазную нацию во главе с “национальным лидером”.

В отечественной историографии давно существует научная школа Ю.М. Лотмана, которая с 1970-х годов разрабатывает тему презентаций власти⁷. Школа Лотмана оказала сильное влияние на зарубежные историко-культурологические исследования, в частности на творчество американского ученого Р. Уортмана.

Уортман в труде “Сценарии власти” рассматривает эволюцию политических мифов и их символическое воплощение в торжествах и праздниках в России от Петра Великого до Николая II. Автор неоднократно подчеркивает мысль о доминировании до конца XIX в. “чужеземной” трактовки русской власти. По мнению Уортмана, “чужеземность” позволяла сохранять сакральную дистанцию между монархом, высшими кругами дворянства, государственной бюрократией с одной стороны, и народом – с

⁶ Das Zeitalter Kaiser Franz Josephs. 1880–1914. Glanz und Elend. Wien, 1987; Полосин В.С. Миф, религия, государство. М., 1998; Paullman J. Pomp und Politik. Paderborn – München – Wien, 2000; Захарова О. Власть церемониалов. М., 2003; Kastner R.H. Glanz und Glorie. Wien, 2004; Модерн. Модернизм. Модернизация. М., 2004; Peckham R.S. National Histories, National States. Oxford, 2006; Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX–начало XX в. М., 2007; Russlands imperiale Macht. Intergrationsstrategien und Ihre Reichweite in Transnationaler Perspektive. Bonn, 2012.

⁷ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф-ия-культура. – Ученые записки Тартуского университета, вып. 308. Тарту, 1973; Успенский Б.А., Живов В.М. Царь и Бог. Семiotические аспекты сакрализации монарха в России. – Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987; Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. СПб., 1996; Черняев Н.И. Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия. М., 1998; Успенский Б.А. Царь и император: помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.

другой. Национальный контекст, по мнению Уортмана, появился в церемониях и ритуалах российской власти в середине XIX в., но оставался на втором плане.

Уортман показывает, что в последние два царствования в России сложилась парадоксальная ситуация: “чтобы соответствовать господствовавшей на Западе доктрине национализма, русская монархия должна была демонстративно преподносить себя в качестве противоположности Западу и происходящей из укорененных в народе традиций”⁸. Употребление Уортманом модальной формы “должна была” подчеркивает вынужденность этого действия. Однако Уортман не учел последствий поражения России в Крымской войне и наступившей вслед за ним дипломатической изоляции, которая оказала сильное воздействие на мировоззрение императора Александра II и мир русского двора.

Со второй половины XIX в. в России началась постепенная, но неизбежная девальвация Запада как референтной модели для самодержавия, что выразилось в усилении “исконности” и “русскости” в имперской идеологии. Поставленная Уортманом проблема политических технологий самодержавия и отмеченный им поворот от династического сценария к национальным основам, характерный для царствований Александра III и Николая II, вызвали дискуссии в научном сообществе. Масштабная панорама смены смысловых кодов в пространстве российской власти нуждалась в дальнейшей детализации и в концептуальном осмыслении.

В работах историков и политологов Д.А. Андреева, А.М. Семенова, М.В. Долбилова реконструировались сценарии презентации власти на основе анализа политических интересов и ресурсов влияния, которыми обладали два последних русских царя. Долбилов обнаружил нараставший конфликт двух самостоятельных политических сценариев – самодержавного и бюрократического. В течение своей трехсотлетней истории дом Романовых, пытаясь сделать эффективным государственный аппарат управления, передавал высшей бюрократии часть верховных полномочий. Бюрократическая элита постепенно превратилась в самодостаточный субъект политического процесса. Бюрократия контролировала все большее политическое пространство и разрабатывала свои представления о верховной власти. В соответствии с собственными интересами она формировала образ самодержца и транслировала этот образ народу. Анализируя исследование Уортмана, Долбилов сформулировал тезис (впрочем, весьма спорный), что “самодержавие, по крайней мере, за несколько лет до отречения Николая II перестало существовать как институт, уступив место некоей предельно персонализированной властной сущности”⁹.

Произошедшая на рубеже XIX–XX вв. переориентация династического сценария, первоначально предназначавшегося для элиты, на народ, объясняется стремлением императорского престола противопоставить амбициям бюрократии массовую народную поддержку самодержавия. Узел дискуссии завязался вокруг проблемы соотношения самодержавной власти и ее бюрократического воплощения, вокруг изменений в государственном управлении и новаций в пропаганде монархизма.

А.М. Семенов считает, что “антагонизм монархии и бюрократии” был вызван попытками Николая II вернуться к политическим моделям и образам XVII в., которые “исключали бюрократию как часть позднего европейского заимствования”¹⁰. Д.А. Андреев предлагает иной ракурс темы. Обращение к символам XVII в., особенно харак-

⁸ Wortman R. *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy*, v. 1–2. New York, 1995, 2000; Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002.

⁹ Dolbilov M. *The Political Mythology of Autocracy. Scenarios of Power and the Role of the Autocrat*. – *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*, Bloomington (Indiana), 2001, № 2 (4), p. 788, 794–795; Wortman R. *Replay to Mikhail Dolbilov*. – *Ibidem*.

¹⁰ Семенов А.М. “Заметки на полях” книги Ричарда Уортмана “Сценарии власти: миф и церемония в истории русской монархии”. – *Ab Imperio: теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве*, 2000, № 2, с. 296.

терное для последнего русского царя, было, по мнению историка, ответной реакцией на экспансию бюрократии “в сферу суверенитета верховной власти”. Это заставило самодержавие искать “политическое убежище” как в мифологии допетровской России, так и в “доверительных беседах с ближайшими неформальными советниками”. Проводимая государственной бюрократией вестернизация “маскировала несовместимость самодержавия и модернизации”. Когда же в сценарии власти обозначился разворот в сторону “национально-ориентированных ценностей”, стала очевидной несовместимость модернизационной среды с основами самодержавия¹¹.

Продолжением изысканий в русле новой культурной истории стали статьи О.Е. Майоровой, содержащие тонкие наблюдения о политической символике эпохи Александра II. Исследователь проанализировала стилистику празднования Тысячелетия России в Новгороде в 1862 г. и Славянского съезда в России в 1867 г. Майорова пришла к выводу: “противопоставление метафор в оформлении московского и новгородского праздников, их внутренняя полемика – это не только оппозиция разных моделей прошлого, это еще и противостояние двух проектов национального строительства. Народный нарратив выстраивался как оппозиция династическому и имперскому”¹². Стоило бы, на наш взгляд, отметить не дихотомию “национальное – имперское”, а скорее синтез двух прежде исключавших друг друга позиций.

Дискуссии о динамике и качестве государственного и общественно-политического развития в России перекликаются с историографическими позициями, которые сформировались за последние 20 лет в изучении монархии Габсбургов. Ранее среди специалистов преобладало мнение, что имперское пространство Австро-Венгрии формировалось на основе конфликтного развития этических и религиозных общностей, политических партий и торгово-промышленных групп. Однако благодаря трудам представителей историко-культурологической школы академика М. Чаки (Австрия), исследованиям Д. Бойера, Д.Л. Уновски, Л. Хебелта, Т. Миллс Келли, Д. Кинга, И. Малиржа, картина жизни Австро-Венгрии стала выглядеть более яркой и реалистичной¹³.

Современный российский историк А.Н. Боханов определяет режим царствования Николая II как “монархический авторитаризм”, исторические возможности которого на рубеже XIX–XX вв. иссякали. Социальная динамика общества и неизбежная радикализация общественных устроений требовала “быстрых, оперативных решений, развития полицентризма и инициативы снизу. А это вступало в принципиальное противоречие со сложившейся практикой, возможностями самодержавной системы, жизнестойкостью империи”¹⁴. Непонятно, почему потребовалось заменять традиционное понятие “самодержавие” на “авторитаризм”, термин, более подходящий для описания политических кризисов индустриального общества XX века. Но заслуживает особого внимания поставленная А.Н. Бохановым проблема двойственного положения российского самодержавия на рубеже XIX–XX вв. В аналогичном двойственном положении находился в это время и режим Австро-Венгерской “двуединой” монархии.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И ВЕНА: ДИНАСТИЧЕСКИЙ МИФ

Какими способами осуществлялось оказывающее магическое воздействие на подданных явление имперской власти народу? Как шло “политическое кодирование” общества? Как разрабатывались сценарии юбилейных торжеств, реализовывались

¹¹ Андреев Д.А. Размышления американского историка о “сценариях власти” в царской России. – Вопросы истории, 2003, № 10, с. 114–115.

¹² Майорова О.Е. Бессмертный Рюрик. Празднование тысячелетия России в 1862 году. – Новое литературное обозрение, 2000, № 43; *ее же*. Славянский съезд 1867 года: метафорика торжества. – Новое литературное обозрение, 2001, № 51, с. 95.

¹³ Павленко О.В. Зарубежная историография монархии Габсбургов. – Новая и новейшая история, 2013, № 3.

¹⁴ Боханов А.Н. Император Николай II. М., 2001, с. 150, 148.

призванные прославить императора монументальные проекты, открывались музеи и выставки имперского масштаба, осуществлялись другие подобные акции, имевшие широкий общественный резонанс? Какие смыслы и предписанные эмоции закладывались в имперские и династические презентации власти? Поиск ответов на эти вопросы позволяет приблизиться к пониманию феномена имперской политической культуры и способов конструирования национальной идентичности.

Воображаемое историческое пространство Российской и Австро-Венгерской империй представляло собой совокупность мифов, внутренних и внешних образов, традиций, пронизанных патриотическими, героическими и божественными смыслами, освещавшими престол и династию. В обеих империях в конце XIX – начале XX вв. существенно менялась идеологическая трактовка символов государственной власти, в частности, династического мифа. Прежние представления об универсальной природе единоличной власти и божественном предопределении монарха, уходили в прошлое, уступая место идеям об “исконном”, народном происхождении правящей династии, ее естественной (по “земле и крови”) прямой связи с народом-нацией.

Династический миф, складывавшийся веками, был опорной конструкцией системы имперской идеологии. Сакральный собирательный образ монарха, помазанника Божьего, в каждое царствование дополнялся персональными чертами правителя. Этот образ был олицетворением государственной истории империи, символом ее прошлого и настоящего. На основе династического мифа формировался определенный “канон власти”, в соответствии с которым происходило ее ежедневное действо. Мифологическая трактовка реальных событий и явлений, вписанная в имперский нарратив, представляла официально одобренный образ монарха, призванный вызывать воодушевление и преклонение подданных.

В Австро-Венгрии национальные и политические конфликты разворачивались на фоне развитой и многомерной политической культуры “двуединой” монархии. Важнейшей частью этой культуры была лояльность императору Францу Иосифу подданных разных национальностей, религий и социальных групп. Удивительный феномен народной любви к престарелому императору исследуется на многочисленных примерах публичных торжеств и исторических юбилеев, которыми была так насыщена повседневность Дунайской монархии в позднюю эпоху¹⁵.

Естественно, государство стремилось максимально поддерживать и развивать чувства патриотизма и лояльности подданных к имперской власти, даже если они приобретали такие экзотичные формы, как полуметровый шоколадный бюст Франца Иосифа, изготовленный во Львове в 1908 г. в честь 60-летнего пребывания кайзера на троне. Однако личность австро-венгерского императора – не самый удачный пример харизматического лидера: император Франц Иосиф, как и царь Николай II, не отличался высоким интеллектом, харизмой и ораторским даром. Но простых людей трогала старомодная воспитанность кайзера, его добропорядочность, колоссальная работоспособность и скромность, доходившая до аскетизма.

Сложился образ Франца Иосифа – императора на службе своему отечеству и народу, человека простого, честного и доступного для подданных. Его открытая нелюбовь к роскоши и отсутствие влиятельных фавориток (долговременный роман с актрисой Катериной Шратт никак не влиял на политику) пользовались пониманием в обществе. Особое сочувствие вызывала череда трагедий в семье императора. Смерть маленькой дочери, убийство в Мексике брата Максимилиана, самоубийство единственного сына Рудольфа, убийство жены – императрицы Элизабет в Женеве, наконец, сараевское убийство его племянника, наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его

¹⁵ *Boyer J.* Political Radicalism in Late Imperial Vienna. Origins of the Christian Social Movement. 1848–1897. Chicago, 1981; *Grossegger E.* Der Kaiser Huldigungs Festzug. Wien, 1992; *Commemorations: the Politics of National Identity.* Princeton, 1994; *Unowsky D.L.* The Pomp and Politics of Patriotism. Imperial Celebrations in Habsburg Austria 1848–1916. Indiana, 2005.

супруги. Фотохудожники нередко изображали на открытках императора коленопреклоненным в молитве, над которым витали образы его трагически погибших родных.

Истоки всеобщей лояльности к императору в стране, разрываемой национальными конфликтами, исследователи видят в длительности правления Франца Иосифа (с 1848 по 1916 гг.). Смерть императора в 1916 г. означала не только окончание “эпохи Франца Иосифа”, но и закат многонациональной монархии Габсбургов. Под скипетром Франца Иосифа родились три поколения австрийцев. Его гибкая династическая политика позволила консервативному дому Габсбургов с истинно царственным достоинством принять неизбежные перемены и во многом соответствовать вызовам времени. Конечно, Франц Иосиф действовал в пределах допустимых компромиссов, на которые он был готов пойти. Историк Д. Уновски (США) в книге “Помпа и политика патриотизма” так объясняет феномен народной популярности престарелого монарха: “Имперские праздники в конституционную эпоху пытались отделить Франца Иосифа от политических столкновений и ассоциировать его, несмотря на то, что он сам управлял государством, с конкретными улучшениями в жизни населения. Придворные церемонии игнорировали специфические исторические события, но рисовали Франца Иосифа как Отца Народов”¹⁶.

Отметим, что в “Первой всеобщей переписи населения Российской империи”, утвержденной 5 июня 1895 г. пункт 14 определял “занятие, ремесло, промысел или службу” и имел два раздела – “главное, то есть то, которое доставляет главные средства для существования” и “побочное или вспомогательное”. Николай II, отвечая на вопросы анкеты, оставил лишь одно слово “главное”, остальное собственноручно зачеркнул и приписал “Хозяин земли Русской”. В графе о побочных занятиях отметил: “Земле-владелец”. От имени императрицы Александры Федоровны царь записал: “Хозяйка земли Русской”, из побочных занятий – “попечительница Домов Трудолюбия”¹⁷.

Так формировались два образа династического мифа – “Отец Народов” и “Хозяин Земли Русской”. В них были заложены разные императивы. Австрийский кайзер выступал в образе собирателя всех народов Австро-Венгрии под свою “отеческую опеку”. Династический патернализм формировал главную идею Габсбургского престола в позднюю эпоху. Император выше всех национальных амбиций, выше политических предпочтений, сословной иерархии, выше государственной бюрократии и армии; он над всеми, но всех готов понять и за всех радуется, всех любит отцовской любовью и за всех в ответе. Пожалуй, это была единственно возможная формула монархической власти в конституционном государстве с развитой парламентской системой. В отличие от австро-венгерского опыта, понимание высшей власти в России означало полное ее сосредоточение в руках императора. В этом смысле Россия была гораздо больше империей, чем конституционная, разделенная на две полуавтономные части Австро-Венгрия.

После дипломатических побед в начале XIX в. имперская экспансия Австрии стала затухать. В середине XIX в. были потеряны итальянские владения Ломбардия и Венеция. Затем последовало унижающее поражение в австро-прусской войне 1866 г. Оккупация Боснии и Герцеговины, на которую Вена решила дважды в 1878 г. и в 1908 г., так и не превратилась в триумф Франца Иосифа, хотя и была приурочена к юбилеям его царствования; скорее наоборот, она стала источником серьезных дипломатических осложнений. Постепенную утрату геополитических ресурсов Австро-Венгрия компенсировала сближением и тесным сотрудничеством с Германией. Союз Габсбургов с мощной и агрессивной милитаристской империей Гогенцоллернов помогал восполнить нехватку собственных побед и территориальных приобретений. Чем меньше оставалось у Франца Иосифа реальных ресурсов влияния внутри монархии и

¹⁶ Unowsky D.L. Op. cit., p. 182.

¹⁷ Прошкин М., Процай Л., Шелаев Ю. Николай II. Последний российский император. СПб., 1992, с. 242–243.

в европейской политике, тем помпезнее и масштабнее становились массовые торжества, прославляющие лично императора и величие Австро-Венгрии.

В отличие от Австро-Венгрии, историческое развитие России осуществлялось путем последовательной военно-политической, хозяйственной и культурно-просветительской экспансии, в результате которой создалось гигантское евразийское государство с особой геополитической идентичностью. Даже в условиях дипломатической изоляции на Западе после Крымской войны, Россия продолжила свое продвижение в Среднюю Азию. Вторая половина XIX – начало XX вв. прошла под знаком “похода на Восток”¹⁸. Накануне Первой мировой войны страна находилась на взлете своего развития, обладая серьезным геополитическим, экономическим, демографическим потенциалом¹⁹. В отличие от монархии Габсбургов, в состав России входили регионы, сильно отличавшиеся уровнем общественного развития. Но центр обладал достаточными ресурсами для создания унитарной государственной системы, способной удерживать национальные территории под своим контролем.

Российский этатизм, монолитный по своей сути, был ориентирован на государственное пространство, скрепленное единым монархическим принципом власти. Понятие “народность” в триаде российской державности (“православие – самодержавие – народность”) было приближено по смыслу к пониманию того, что есть “единый государственный русский народ”. “Народность” в предписании министерства народного просвещения от 1847 г. определялась так: “Народность наша состоит в беспредельной преданности и повиновении Самодержавию”²⁰. Этот принцип консервативной государственной идеологии в эпоху поздней империи неоднократно корректировался, но суть власти оставалась неизменной – персонифицированное политическое лидерство царя, обладавшего неограниченным ресурсом управления страной.

Этим Россия существенно отличалась от Австро-Венгрии, в которой формы парламентского представительства медленно, но неуклонно развивались. В 1882 г. пошаговая демократизация монархии Габсбургов могла бы существенно снизить остроту национальных конфликтов. Но новые элиты не были склонны к поиску компромиссов – они стремились к достижению собственных интересов. Все попытки найти общую платформу, выработать единую стратегию наталкивались на непреодолимые национальные амбиции, взаимные претензии и недоверие сторон. Их политическая агитация и действия лишь усиливали общую конфронтацию, в частности в парламенте. К 1905 г. император уже исчерпал ресурсы для поиска компромиссов с либеральными силами и национальными демократами. Франц Иосиф не верил в федерализм как принцип реформирования политической системы, опасаясь, что любые крупные нововведения разрушат и без того хрупкое равновесие между двумя частями империи – Австрией и Венгрией, а также между центрами власти – Веней и Будапештом с одной стороны и национальными провинциями с другой²¹.

Половинчатый парламентаризм Австро-Венгрии и отстававший от него почти на полвека конституционализм в России, больше имитационный, чем реальный, все же свидетельствуют о развитии гражданского общества в обеих империях. Причем в Австро-Венгрии гражданская активность и ответственность, закрепленные парламентской практикой, были гораздо сильнее развиты, чем в России. Но к началу XX в. в России активно создавались добровольные общественные ассоциации, которые стали своеобразной школой гражданского самоуправления. Правда, отношение самодержав-

¹⁸ *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.

¹⁹ Россия накануне Первой мировой войны. Статистико-документальный справочник. М., 2008; *Никонов В.* Крушение России. 1917. М., 2011, с. 32–52.

²⁰ Циркуляр министра народного просвещения от 30 мая 1847 г. – Русский архив, 1892, № 7, с. 336; Записки и дневник А.В. Никитенко, т. 1. М., 1893, с. 488–489.

²¹ *Rumpler H.* Eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie. – Österreichische Geschichte 1804–1914. Wien, 1997, S. 272.

вия к ним было противоречивым. С одной стороны, власть поощряла общественные инициативы, понимая важную роль самоуправления, с другой – опасалась потерять свое могущество и контроль над обществом²². Таким образом, обе монархии дрейфовали в сторону политической модернизации, хотя и с различной скоростью. В России неразвитость политико-правовой жизни и слабость среднего класса компенсировались патерналистским могуществом самодержавия и государственной бюрократии. В Австро-Венгрии гражданская активность трансформировалась в борьбу за национальные права и приоритеты. В этом заключалась одновременно сила и слабость политической модернизации в обеих монархиях. Рассмотрим российский и австро-венгерский опыты конструирования государственной идентичности и сравним их ключевые смыслы.

РОССИЯ: ОТ “ИМПЕРСКОЙ ДИНАСТИИ” К “НАРОДНО-МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ”

В царствование Николая I историческая традиция трактовала основание государства в соответствии с норманнской (или варяжской) теорией. Династический миф, высочайше одобренный и распространенный в обществе, строился на основе двух легенд – божественном предопределении государственной власти и ее востребованности местным населением. Не завоевание, а именно “призвание варягов” придавало государственным началам мессианский смысл. Династия, демонстрируя приверженность западной имперской традиции, предпочитала цивилизаторскую трактовку своего “пришествия” в русские земли. Мифологизация образа Рюрика и включение его в генеалогию дома Романовых на правах праоснователя формировали универсальный, надэтнический, “олимпийский” образ самодержавной власти и проводили историческую преемственность между Рюриковичами и Романовыми²³. Легенда основания играла определяющую роль в структуре династического мифа. Намеренное увеличение исторической и генеалогической протяженности и преемственности власти на основе династических мифов служило дополнительным подтверждением права правящей династии на престол.

В октябре 1854 г. под влиянием поражения в Крымской войне Вел. Кн. Александр Николаевич (будущий император Александр II) признавался, что “мы не проявили достаточно национального эгоизма, но обстоятельства толкнули нас на правильный путь и доказали, до какой степени ложна и опасна наша политическая программа”²⁴. Национальный эгоизм противопоставлялся прежнему имперскому наднациональному образу власти. В 1856 г. в начале царствования Александра II по высочайшему указу началась реконструкция городской усадьбы бояр Юрьевых-Романовых в Москве. Считалось, что здесь родился Михаил Федорович, первый царь из династии Романовых. Создание первого в России династического музея находилось под личным контролем императора: тем самым утверждалась идея исконности происхождения правящей династии.

Присутствие императора и августейшей семьи на торжественных церемониях – начала реставрационных работ и открытия музея “Дом бояр Романовых” (27 августа 1859 г.) – свидетельствовало о государственном значении музея. При закладке фундамента музея царь и члены его семьи положили в землю золотые и серебряные монеты чеканки 1856 г. – даты коронации и 1858 г. – начала реставрации усадьбы Юрьевых-Романовых, а также монеты времен царя Михаила Федоровича²⁵. Это была первая по-

²² Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008, с. 290–292.

²³ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. 1–3. М., 1846; см. также: Павленко Н.И. Михаил Погодин. М., 2003.

²⁴ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990, с. 75–76.

²⁵ Фролов А.И. Московские музеи. М., 1999, с. 134–136.

пытка осмысления нового национального проекта власти, трансляция династического мифа от Рюриковичей к Романовым, от чужеземности к русскости.

Появление “Дома бояр Романовых” с его древнерусским убранством, старинными семейными реликвиями отражало поиск нового, исконно русского, славянского образа верховной власти. В 1860–1870-е годы стала пропагандироваться всеславянская общность. Волны сочувствия к “единоверным и единокровным” братьям-славянам на Балканах и в Австро-Венгрии поднимались в России во время Славянского съезда 1867 г. и русско-турецких войн. Это была часть нового государственного проекта национальной имперской идентичности – единства династии и народа на основе “крови и почвы”, в который был включен всеславянский компонент.

В отчете министерства иностранных дел России за 1866 г. говорилось, что Россия должна взять на себя “моральное руководство” славянскими движениями, чтобы “использовать в этих целях влияние, по справедливости принадлежащее России в силу ее традиций, географического положения и ее законных интересов таким образом, чтобы исполнить нашу историческую миссию на Востоке”²⁶. Для доказательства права России “законно выражать” интересы славян важно было усилить общественные представления о России как общей “славянской метрополии”, “центре славянского мира”.

Пропаганда создавала новый русско-славянский образ самодержавной власти. Стала востребованной старая славянофильская формула: “русское” может быть понято только через “славянское”, а “славянское” – через “русское”²⁷.

“Возвращение к истокам”, которое начала демонстрировать Российская империя в последней трети XIX в. проявилось в создании первого исторического музея, экспозиция которого иллюстрировала официальную историю Российского государства. Концепция музея была сформулирована академиком К.Н. Бестужевым-Рюминым: “Народ, желающий быть великим народом, должен знать свою историю... велик тот народ, который ясно сознает свое историческое призвание... Музей – одно из самых могущественных средств к достижению народного самосознания – высшей цели исторической науки”²⁸.

Открытие Императорского Российского Исторического музея было приурочено к коронации Александра III в 1883 г. История Российской империи, представленная в залах музея в хронологическо-тематическом порядке, имела выраженный централизаторский контекст. Государственный музейный проект презентовал официальную, имперскую концепцию истории российской государственности, окончательно закреплял национальный исконный образ Дома Романовых. Русскость и православие Романовых подчеркивались экспонатами музея. Династия Романовых представала как спасительница России в Смутное время и в эпоху наполеоновских войн, созидательница государства, защитница и покровительница подданных, независимо от происхождения и вероисповедания.

Монументальное строительство имперских доминант – соборов, музеев, памятников с печатью русской исконности усилилось в царствование Александра III и Николая II. Тяготение к древнерусскому стилю, народным началам, которое демонстрировала государственная власть в конце XIX – начале XX вв., во многом было вызвано охранительной реакцией на радикальные настроения и секуляризацию общественного сознания, неизбежно сопровождавшие процессы проходившей в стране модернизации.

²⁶ Никитин С.А. Очерки по истории южных и западных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX века. М., 1970, с. 150–151.

²⁷ Pavlenko O. Rußland und die Donauslaven (1848 bis 1871). – Der Austroslavismus. Wien – Köln – Weimar, 1996, S. 156–178; Павленко О.В. Панславизм. – Славяноведение, 1998, № 6.

²⁸ Фролов А.И. Указ. соч., с. 140.

Подобно тому, как российское самодержавие демонстрировало свою нерасторжимую связь с Православием, династия Габсбургов традиционно была связана тесными узами с Римской католической церковью. Со средневековья, когда Габсбурги доминировали в Священной Римской империи германской нации, сложились особые ритуалы власти, в которых принимали участие иезуиты, капуцины, кармелиты и другие католические ордена. Если дом Романовых выступал главным защитником православия, то династия Габсбургов стремилась утвердить свою роль патронов католицизма в Европе. Австро-турецкие войны и победа над турками Евгения Савойского закрепили этот образ в исторической памяти, воплотив его в многочисленных памятниках, скульптурах и эпических художественных полотнах. Проводилась мысль о том, что именно Габсбурги – спасители католического мира от турецкого завоевания и истинные ревнители христианской веры²⁹.

В первой трети XIX в. произошло изменение габсбургской династической традиции. При поддержке канцлера К. Меттерниха было опубликовано 8-томное издание истории дома Габсбургов, написанное князем Лихновским, который пересмотрел прежние легенды, в частности происхождение династии от римских аристократических родов Колоннов и Пирлеонов или от эльзасского герцога Этихо. Выдвигалась новая легенда о первых могущественных предках, бывших якобы доверенными лицами династии Каролингов в X–XI вв. Отсутствие источников не являлось препятствием для констатации древнего происхождения Габсбургов. Основной акцент делался на деятельном участии династии в основании Священной Римской империи германской нации³⁰.

Старинные ритуалы, демонстрировавшие единство церкви и династии, свято соблюдались на протяжении столетий. Некоторые из них дожили до времен Франца Иосифа. В чистый четверг накануне Пасхи придворные священники выбирали 12 стариков из бедных семей, привозили их в Вену в императорскую резиденцию Хофбург. В торжественном зале для придворных церемоний Франц Иосиф под пение псалмов и чтение Евангелия омывал беднякам ноги. Это было символическим напоминанием о последних днях земной жизни Христа, когда он омыл ноги своим ученикам перед пасхальным застольем. Ритуал воспроизводил божественную персонификацию императорской власти, когда кайзер повторял символические действия Христа, полные христианского смирения и общечеловеческого смысла.

В первые годы царствования Франца Иосифа произошла не только реформа двора, но и пересмотр некоторых церемоний. В 1849 г. он ограничил празднование своего дня рождения 18 августа только службой в придворной часовне, военным парадом и артиллерийским салютом. Первоначально никаких массовых празднеств и шествий не предполагалось. Но с 1850-х годов стал изменяться формат и контекст торжеств, связанных с правящим домом. День рождения императора превратился в грандиозный массовый праздник, в котором придворный этикет и строгий порядок католических шествий растворился в массовой культуре народных праздников-фестивалей, уходящих корнями в средневековье. Каждый год 18 августа с 4.30 утра во всех городах и деревнях империи гремели бравурные военные марши. Празднично одетые люди заполняли улицы и перетекали в костелы, церкви, мечети и синагоги. В храмах и модельных домах всех конфессий верующие молились за здоровье и благоденствие императора и дома Габсбургов. Служители разных культов должны были демонстрировать лояльность и патриотизм, воспевая императора и его власть. Государственный

²⁹ *Vocelka K.* Glanz und Untergang der höfischen Welt. Repräsentation, Reform, und Reaktion im habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien, 2001; *MacHardy K.J.* War, Religion and Court Patronage in Habsburg Austria. – The Social and Cultural Dimensions of Political Interaction. New York, 2003.

³⁰ *Wandruszka A.* Das Haus Habsburg. Die Geschichte einer europäischen Dynastie. Wien, 1978; *Magris C.* Der Habsburgische Mythos in der Österreichischen Literatur. Salzburg, 1988.

гимн “Господь, сохрани” исполнялся не только на немецком, но и чешском, польском, венгерском, украинском, еврейском и других языках монархии³¹.

Если в начале царствования Франца Иосифа во время императорских торжеств не было принято публично выражать энтузиазм, то во второй половине XIX в. вся государственная пропаганда была направлена на возбуждение патриотических чувств верноподданных. Газеты публиковали имена людей и названия предприятий, пожертвовавших средства на организацию династических торжеств. Акт жертвования денег был публичным, он приравнивался к гражданскому долгу, хотя и оставался добровольным³².

Действовавший с 1852 г. закон, запрещающий критику и сатиру в адрес императора, был воспроизведен в статье 63 Конституции Австро-Венгрии 1867 г. Контроль над “династической литературой” осуществляло императорско-королевское министерство религии и образования. Оно же организовывало системное патриотическое воспитание во всех школах западной части монархии. Учителям предписывалось обсуждать с учениками патриотическую литературу, ставить со школьниками инсценировки, воспевающие подвиги Габсбургов.

Министерство особо поощряло литераторов, которые пользовались репутацией “профессиональных патриотов”. Им за большие гонорары заказывались книги для учителей и учебники. Эта группа писателей имела приоритетное право описывать в восторженных тонах династические юбилеи и придворные торжества³³. Самым известным автором такого рода педагогической литературы был Л. Смолле: с 1880 по 1908 гг. он создал серию книг для детей и юношества под общим названием “О нашем императоре”. Читая поучительные новеллы о детстве и юности Франца Иосифа, его добродетельных поступках, справедливости и мужестве, юноши и девушки проникались сознанием того, что государь император – это “лучший из лучших”. В сознание подданных внедрялась мысль, что Франц Иосиф всегда готов прийти на помощь, особенно к бедным и страждущим. Такого рода литература переводилась на все языки народов Австро-Венгрии и издавалась огромными тиражами. Центральное место отводилось официальной трактовке “собирая” славянских земель вокруг престола Габсбургов. В сочинениях “профессиональных патриотов” подчеркивалось, что слабые и беспомощные славяне никогда не смогли бы выжить, если бы их не взяла под свой скипетр династия Габсбургов. Вся история и государственная сущность Австро-Венгрии была основана на идее гармоничного мирного сосуществования разных народов, объединенных общей династией и одним для всех императором³⁴.

Франц Иосиф лично контролировал учреждение новых орденов в честь императоров Габсбургского дома за верную службу государству и династии. Количество орденов, также как и списки награжденных особенно увеличились на рубеже XIX–XX вв. Орденами св. Штефана, Марии Терезии, Леопольда, Железного креста, Франца Иосифа, императрицы Элизабет были отмечены заслуги представителей государственной бюрократии – как штатской, так и военной. В честь 50-летия правления Франца Иосифа для гражданских и военных чинов было заказано 7395 юбилейных медалей “За безупречную службу”³⁵.

Современный австрийский ученый В. Телеско исследует формы воплощения “общей государственной идеи” в произведениях изобразительного искусства, архитекту-

³¹ Fugger N. Im Glanz der Kaizerzeit. Wien, 1932.

³² Blöchl A. Die Kaiser Gedankentage. Die Feste und Feiern zu den Regierungsjubiläen und runden Geburtstagen Kaiser Franz Josephs. – Der Kampf um das Gedächtnis. Öffentliche Gedenktage in Mitteleuropa. Wien, 1997.

³³ Unowsky D.L. Op. cit., p. 129.

³⁴ Smolle L. Kaiser Joseph II. Fuer das Volk und die Jugend Oesterreich. Wien, 1880; *idem*. Das Buch von unserem Kaiser. Wien, 1888; *idem*. Fuenf Jahrzehnte auf Habsburgs Throne. Wien, 1898; *idem*. Unserer Kaiser. Sein Leben und Wirken der Jugend erzahlt. Wien, 1908.

³⁵ Unowsky D.L. Op. cit., S. 103.

ре, памятниках, топонимике городов и улиц, поздравительных и видовых открытках, декоративных орнаментах вокзалов и опер. Через визуальные формы городской архитектуры закладывались коды коллективной идентичности. Это был государственный заказ, направленный на углубление чувств лояльности и патриотизма среди подданных³⁶.

Примером воплощения этого государственного заказа могут служить торжества в Вене 24 апреля 1888 г. по случаю торжественного открытия церкви святого Вотива, построенной в честь чудесного спасения Франца Иосифа от покушения 1853 г. Когда прибывшую на церемонию открытия храма императорскую семью приветствовала восторженная толпа, впервые в Вене загорелись гирлянды электрических лампочек; об “электрическом эффекте” этого праздника писали по всей империи³⁷.

Воспитание “государственного патриотизма” в условиях Австро-Венгрии нередко приводило к столкновению противоположных идеологических веяний и национальным конфликтам. Так, в 1888 г. в канун 170-летия Марии Терезы в центре Вены напротив императорской резиденции Хофбург был торжественно открыт памятник этой императрице, по обеим сторонам которого сооружены императорские музеи – естественно-научный и художественный. Мария Тереза предстает как мать государства, покровительница искусств и прогресса. Ее окружают статуи советников и полководцев, мыслителей, ученых, художников, символизирующих объединительную силу “австрийства”. Но факт открытия памятника Марии Терезы, которая противостояла прусским гегемонистским устремлениям, вызвал негодование в среде австрийских пангерманистов, выступавших за тесное сближение между Австро-Венгрией и Вторым германским рейхом. В знак протеста пангерманисты организовали шествие у памятника, распевали песни, призывавшие к объединению всех немцев³⁸.

В отличие от династии Романовых или Гогенцоллернов, во второй половине XIX в. усиливавших в государственной идеологии и публичных презентациях власти идею гегемонии титульной нации, Габсбурги не могли себе позволить выступать как немецкая или австро-немецкая династия. Император Франц Иосиф олицетворял собой историческую правящую династию, символ государственного единства. Именно имперский образ власти не допускал проникновения в ее символическое пространство националистических идей. Культ австрийского “общего дома” создавал основу, столь необходимую для государства, разрываемого национальными противоречиями.

Создание дуалистической политической системы в 1867 г. нанесло серьезный удар по системе единых общегосударственных ценностей. Если в Цислейтании, объединившей австрийскую часть – Галицию, Буковину, Богемию, Моравию, австрийскую Силезию, небольшую часть северной Италии, а также коронные альпийские владения Габсбургов, власть императора презентовалась обществу как наднациональная и объединительная, то в венгерской Транслейтании ситуация была иной. Венгерская элита предпочитала воспринимать Франца Иосифа прежде всего как венгерского короля, нередко относилась к общегосударственным торжествам в Цислейтании подчеркнуто холодно, иногда даже игнорируя их³⁹.

Вторая половина XIX – начало XX вв. в Европе прошла под знаком общегосударственных и национальных выставок. Они знаменовали собой достижения наций в индустрии, культуре, государственном строительстве, были своего рода визуальным отражением прогресса и конкуренции между государствами. По сути, именно выстав-

³⁶ Barock. Ein Ort des Gedächtnisses. Interpretament der Moderne/Postmoderne. Wien – Köln – Weimar, 2007; *Telesko W.* Kulturraum Oesterreich. Die Identitäten der Regionen in der bildenden Kunst des 19. Jahrhunderts. Wien – Köln – Weimar, 2008, S. 632.

³⁷ *Springer E.* Geschichte und Kulturleben der Wiener Ringstrasse. Wiesbaden, 1979, S. 519.

³⁸ Das Vaterland, 18.V.1888, S. 1.

³⁹ *Gerö A.* Francis Joseph, King of the Hungarians. New York, 2001; *Urbanitsch P.* Pluralist Myth and Nationalist Realities: the Dynastic Myth of the Habsburg Monarchy- a Futile Exercise in the Creation of Identity? – Austrian History Yearbook, 2004, № 35.

ки – мировые, европейские, региональные, общегосударственные, национальные – стали своего рода символом эпохи промышленного капитализма и самоутверждения наций. Неудивительно, что вокруг выставок происходили острые национальные столкновения. Когда Франц Иосиф посетил выставку в Праге в 1891 г., которую бойкотировали богемские немцы, то он не преминул также нанести визит в Рейхенберг – город, где доминировала немецкая община. В 1894 г. на галицийской выставке остро столкнулись интересы поляков и русинов. В 1896 г. на выставке в Будапеште представители хорватов, румын и сербов демонстративно жгли венгерские флаги, подписывали петиции протеста и призывали к бойкоту выставки. Для Франца Иосифа было необходимо балансировать между вспыхивавшими очагами национальных конфликтов и не позволять втягивать в них высшую власть.

В Австро-Венгрии образ “народного императора” воспроизводился в сценариях всех общегосударственных торжеств и содержал три основные темы: 1) историческая и политическая легитимность; 2) социальная забота о бедных и малоимущих; 3) наднациональный, общеавстрийский характер власти⁴⁰. Император, будучи ревностным католиком, не только посещал, но и принимал участие в религиозных церемониях всех религий и конфессий – православной, григорианской, униатской, мусульманской (после присоединения Боснии и Герцеговины). Конституция 1867 г. уравнивала в гражданских правах евреев. Франц Иосиф стал посещать синагоги. Верховная государственная власть подчеркивала равенство перед императором всех национальностей, религий и конфессий. Габсбурги стремились к межнациональному и межконфессиональному согласию. В основе модели коллективной идентичности, которую пыталась сконструировать власть, лежало представление об исторической общеавстрийской общности всех наций, языков, конфессий и территорий монархии Габсбургов.

АВСТРО-ВЕНГРИЯ: ДИНАСТИЧЕСКИЕ ТОРЖЕСТВА КАК ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАЗДНИКИ

В 1888, 1898, 1908 годах широко отмечались круглые даты правления Франца Иосифа. Если сорокалетний юбилей восшествия кайзера на престол монархия отмечала скромно, то в 1898 г. была развернута масштабная подготовка к 50-летию правления Франца Иосифа. Накануне юбилея развернулась дискуссия по сценарию “живых картин” из истории империи. Каждая из 17 картин посвящалась определенному историческому событию. Проект обсуждался министром иностранных дел, министром-президентом Цислейтании и другими высшими сановниками. Первоначальный сценарий был отвергнут под предлогом, что в нем недостаточно ярко показано величие династии для народов Австро-Венгрии и Европы в целом. Недовольство вызвала картина “Апофеоз”, в которой демонстрировался императорский дворец и панорама новой Вены после реконструкции города. Сценарий был подвергнут значительной переработке: “живые картины” стали еще сильнее воспевать подвиги Габсбургов, а в “Апофеозе” помпезно воспроизводилось единство и гармония народов империи. В центре картины возвышалось изображение Франца Иосифа – “великодушного отца всех народов” и “главного покровителя искусства, культуры и индустрии”⁴¹.

Столь пристальное внимание к стилистике и содержанию династических торжеств объяснялось тем, что к концу XIX в. в парламенте Цислейтании нарастало напряжение между федералистами и централистами. Бурные политические дебаты разразились вокруг реформы о национальных языках. Триада “территория – язык – нация” во многом определяла содержание политической полемики и общественных столкновений. Особенно острым был конфликт между немецкими либералами и славянскими парламентскими фракциями. Политические страсти накалялись не только в здании парламента в Вене, но и в национальных провинциях империи. Прага буквально раскололась на

⁴⁰ *Grossegger E.* Op. cit., S. 1–10.

⁴¹ *Unowsky D.L.* Op. cit., p. 85–87.

две части – чешскоязычную и немецкоязычную. Борьба шла вокруг прав чешского языка. Чешские патриоты выступали за то, чтобы делопроизводство велось на двух языках – чешском и немецком. Немецкие либералы и централисты не могли простить правительству потери привилегированного статуса немецкого языка. В этих условиях Франц Иосиф придавал торжествам 1898 г. объединяющий, примирительный смысл. Но могли ли торжественные декорации общеавстрийского единства скрыть реальное положение дел?

Запланированные на октябрь–ноябрь 1898 г. праздники были отложены: 10 сентября на берегу Женевского озера императрица Элизабет была убита итальянским анархистом. Франц Иосиф и весь двор погрузились в траур. Похороны Элизабет вызвали огромную волну сочувствия к императору, потерявшему в 1889 г. сына, а в 1898 г. – супругу⁴². Но остановить уже запущенный маховик общегосударственных торжеств император не мог. Для празднования юбилея 1898 г. общественными комитетами и добровольными пожертвованиями было собрано более 39,6 миллионов гульденов⁴³. Среди наиболее крупных пожертвований были банкирский дом Ротшильдов, баронесса К. Хирш, галицийский промышленник М. Гартенберг, “стальной король” А. Крупп. Собранные средства направлялись не только на организацию праздников, но и на благотворительность – устройство детских домов, поддержку бедных семей, строительство домов для еврейских общин в Галиции, открытие социальных столовых⁴⁴.

На подданных Франца Иосифа обрушалась лавина брошюр, буклетов, иллюстрированных изданий, в которых прославлялся император и восхвалялись достижения его правления в экономике, политике, искусстве, народном образовании, помощи бедным и больным⁴⁵. Выдающиеся австрийские художники, архитекторы, музыканты (Муха, Хоффман, Мозер, Климт, Кокошка) были привлечены к имперским проектам. Мощное объединение финансовых и интеллектуальных ресурсов власти способствовало закреплению в сознании подданных мысли, что они живут “в эпоху Франца Иосифа”. Император представлялся единственным гарантом стабильности, конституционного порядка и безопасности Австро-Венгрии. В честь торжеств была издана официальная история Австрийской империи, в которой Габсбурги выступали спасителями и хранителями отечества. Официальная история была отражена в исторических картинах и опубликована в приложении к популярной “Венской газете”⁴⁶.

Портреты императора, декоративно украшенные в стиле модерн, не только ежедневно появлялись на страницах брошюр для народного чтения, но и в любом общественном месте – от кабинетов чиновников до трактиров. Тысячи бюстов императора и императрицы изготавливались в бронзе и гипсе для продажи в разных частях империи. Публичный интерес к придворной жизни, описаниям путешествий императорской четы особенно возрос после гибели императрицы Элизабет. Последовавшие за этим несчастьем торжества в честь юбилея династии лишь закрепили своеобразный культ “императрицы Зизи” – трагической красавицы с мятущейся душой.

В честь 50-летнего юбилея был издан прекрасно иллюстрированный сборник патристических стихов, написанных высокопарным немецким слогом и предназначался “для всех германо-австрийских диалектов”⁴⁷. Франц Иосиф объявлялся австро-немецкими поэтами “князем мира”, “наиболее благородным правителем”, “отцом своих

⁴² Neue Freie Presse, 17.IX.1898; *Hamann B.* Elisabeth. Kaiserin wider Willen. Wien, 1981.

⁴³ *Sypniewski A.* Fünfzig Jahre Kaiser. Wien, 1898, S. 282.

⁴⁴ *Henop C.* Das Jubilaeumsjahr 1898. Ein Gedenkbuch an die humanitaeren und festlichen Veranstaltungen aus Anlass des 50-jaehrigen Regierungs Jubilaeums Sr. Majestaet des Kaiser FJI. Am 2.December 1898. Wien, 1898, S. 18–19.

⁴⁵ Franz Joseph und Seine Zeit. Gedenkbuch zur Jubelfeier, B.1–2. Wien, 1898; *Viribus Unitis.* Das Buch vom Kaiser. Wien, 1898; *Henop C.* Op. cit.; Jubilaeums-Ausstellung 1898. Wien, 1898; *Verordnungsblatt fuer den Dienstbereich des Ministeriums fuer Cultus und Unterricht.* Wien, 1898.

⁴⁶ Kaiser Jubileum Festblatt der Wiener Zeitung. – Wiener Zeitung, 2.XII.1898.

⁴⁷ Kaiser – Jubilaeums-Dichterbuch. 50 Jahre Oesterreich. Wien, 1898.

народов”. Проведение юбилейных торжеств растянулось почти на год. Праздничные программы в больших и малых городах монархии, в имперской столице Вене были сконцентрированы вокруг двух дат – 2 декабря (восшествия на престол) и 18 августа (дня рождения императора). В честь праздника проходили тожественные богослужения всех конфессий, фестивали, шествия, иллюминации, парады, народные гуляния.

Анализируя сценарии и смыслы юбилейных торжеств 1898 и 1908 гг., исследователи Д. Уновски и Э. Гроссегер приходят к выводу, что лидеру христианских социалистов К. Лугеру удалось “монополизировать общевострийский патриотизм”⁴⁸. Лугер, став бургомистром Вены на волне антисемитизма, попытался извлечь максимальную политическую выгоду из юбилея 1898 г. Христианские социалисты активно использовали риторику “общевострийской лояльности” для собственных политических целей. Их газета “Рейхспост” призывала к тому, чтобы все, кто “считает ценностью быть австрийцем, кто думает и чувствует себя как австриец, кто проникнут любовью и почтением к нашему юбиляру-императору, должен присоединиться к партии христианских социалистов и работать в этот год мира в честь нашего императора”⁴⁹.

Приведенные примеры показывают, что в Австро-Венгрии к концу XIX в. усилилась государственная пропаганда общенационального образа власти. Но концепция этого идеологического проекта, на первый взгляд, простая и логичная, единственно возможная в условиях острой национальной борьбы, была чревата серьезной угрозой. Персонифицированный образ власти и “общего австрийства” был блистательным, доступным каждому, открытым, и вместе с тем – неопределенным. Декларируя, что имперская власть стоит над всеми национальностями и конфессиями, политическими пристрастиями и социальными группами, государственные идеологи преследовали благую цель. Необходимо было найти объединяющее начало между многочисленными разрозненными компонентами монархии. Но открытый всем образ власти таил в себе другую опасность: каждая национальная общность или политическая партия могла присваивать себе образ императора, заявляя, что действует в интересах государства, от имени Франца Иосифа. Отсутствие отчетливой программы реформирования Австро-Венгрии, бесконечное лавирование и стратегия умиротворения различных центров влияния внутри монархии, приводила к обратному результату. Столь желанный общевострийский консенсус все более отдалялся. В реальности “идеологический вакуум” в трактовке имперской власти заполнялся каждым национально-политическим течением по-своему, в зависимости от конкретных интересов и целей.

РОССИЯ: ДИНАСТИЧЕСКИЕ ПРАЗДНИКИ И ЮБИЛЕИ

Презентации власти в России разделялись, как и во всех европейских государствах, на две категории: придворные церемонии и общественные празднества. Организация и масштаб торжеств существенно различались, но неизменно на них присутствовали члены августейшей семьи. Этикет и церемониал двора, освященный традицией, регламентировал придворную иерархическую систему до мельчайших деталей. В царствование Николая II дворцовое действо – от высочайших выходов до бального ритуала, хотя и не ограничивалось тесным кругом “светских правил”, тем не менее, строго контролировалось нормами придворного этикета. Двор жил внутренней жизнью, вращающейся вокруг царственной семьи, где каждый имел свое четко определенное место и предписанную модель поведения⁵⁰.

Главной функцией придворной среды считалось поддержание престижа монаршей власти. Но двор призван был также осуществлять ежедневный обиход царствующей семьи. Этикет петербургского двора был в основном заимствован у Габсбургского дома. Общее число придворных чинов при дворе Николая II составляло 1543 персо-

⁴⁸ Unowsky D.L. Op. cit., S. 145–149; Grossegger E. Op. cit., S. 234–235.

⁴⁹ Reichspost, 4.I.1898, S. 2.

⁵⁰ Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2003, с. 237.

ны⁵¹. Хотя Николай II, также как Александр III, был равнодушен к вопросам церемониальной части, но строго соблюдал придворный регламент.

Несмотря на то, что число светских ритуалов, особенно балов, существенно уменьшилось, до русско-японской войны Петербург сохранял репутацию одной из самых элегантных светских столиц Европы. Великий Князь Александр Михайлович, внук Николая I, женатый на сестре царя Ксении, с ностальгией вспоминал: “Тот иностранец, который посетил бы С.-Петербург в 1914 году, перед самоубийством Европы, почувствовал бы непреодолимое желание остаться навсегда в блестящей столице российских императоров, соединявшей в себе классическую красоту прямых перспектив с приятным, увлекающим укладом жизни, космополитическим по форме, но чисто русским по своей сущности. Чернокожий бармен в Европейской гостинице, нанятый в Кентукки, истые парижанки-актрисы на сцене Михайловского театра, величественная архитектура Зимнего дворца – воплощение гения итальянских зодчих, сановники, завтракавшие у Кюба до ранних зимних сумерек, белые ночи в июне, в дымке которых длинноволосые студенты спорили с жаром с краснощеками барышнями о преимуществах германской философии... Никто не мог бы ошибиться относительно национальности этого города, который выписывал шампанское из-за границы не ящиками, а целыми магазинами”⁵².

Культурный космополитизм имперской столицы резко контрастировал с усиливавшимся историческим традиционализмом двора. Одной из особенностей последнего царствования было постепенное угасание придворных церемоний. Князь С.Е. Трубецкой вспоминал: «В отношении балов и вообще светской московской жизни я должен заметить, что мне пришлось выезжать в эпоху ее заката. Мне посчастливилось еще захватить “вечернюю зари” и видеть ее последние лучи, но непосредственно за этим она совсем угасла: на долю моего брата, который всего на два года моложе меня, уже почти ничего не осталось. Это случилось еще до войны 1914–1918 годов»⁵³. Представители петербургского света ощущали падение “балльной эпохи”, царственная семья теряла интерес к придворным ритуалам, исполняя только необходимые из них.

Но именно за годы последнего правления увеличилось число общественных торжеств, во время которых власть совершала символическое “схождение” в народ. Наиболее масштабные церемониальные зрелища происходили во время коронации Николая II и Александры Федоровны в мае 1896 г. и празднования 300-летия дома Романовых в 1913 г., которые предусматривали наряду с торжествами в Москве и Петербурге турне царствующей четы по древнерусским городам. Участниками праздничного действа, призванного символизировать единство династии и народа, становились не только представители элиты. Фактически все слои населения в той или иной степени были представлены в ритуалах времен последнего царствования. Все торжества вписывались в исторический имперский контекст, но их стиль, риторика и символическое наполнение призваны были демонстрировать единение династии и народа.

Во время путешествия Николая II и Александры Федоровны по волжским городам в 1913 г. в списках “особ и лиц, встречающих Их Императорские Величества” наряду с местными губернскими и уездными представителями чиновничества и дворянства, обязательно вводилась квота – по два крестьянина от каждого уезда и отдельно “хуторяне и отрубники” (по одному от деревни или села). В Костроме предусматривалось, что депутация от крестьян Шунгенской волости поднесет царю хлеб-соль. В обязательном порядке государю должны были представляться депутации от мусульманских обществ, еврейских общин, старообрядцев, инославного духовенства, фабрично-заводских рабочих⁵⁴.

⁵¹ Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992, с. 188.

⁵² Воспоминания Великого князя Александра Михайловича. М., 1991, с. 85.

⁵³ Трубецкой С.Е. Минувшее. – Князья Трубецкие. Россия воспрянет. М., 1996, с. 167.

⁵⁴ Государственный архив Российской Федерации, ф. 826, оп. 1, д. 161, л. 5–260б.

Новый “народный” масштаб торжеств соответствовал представлению о началах самодержавия, которое сформировалось у Николая II. При этом случалось немало казусов, которые нарушали прежний церемониал и изменяли смыслы презентаций имперской власти. Дело не ограничивалось массовой давкой в Москве на Ходынке во время торжеств по случаю коронации Николая II, в которой погибли 1400 человек и были покалечены более 600.

Один из случаев, правда, менее кровавый, чем Ходынка, произошел на праздновании канонизации старца Серафима Саровского в Сарове в середине июля 1903 г. В Сарове во время “схождения” царя в народ толпа навалилась спереди, и царь невольно сел на руки сопровождавших его двух придворных, которые подняли его на плечи. Народ увидел царя, и раздалось громовое “ура”⁵⁵. Насколько был опасен этот душевный порыв императора, стало ясно сразу после того, как он благополучно преодолев толпу, вернулся по деревянному помосту. Но доски не выдержали ринувшуюся за ним толпу, и помост с грохотом провалился, увлекая за собой людей. Царская свита была смята толпой. Министр двора граф Фредерикс вернулся весь окровавленный, с разбитым лицом и в разорванном мундире.

Опыт сближения с народом, грозивший стать новой Ходынкой, разрушал канон императорских массовых действ. Однако “схождение” царя в народ свидетельствовало о том, что Николаю II нужны были доказательства народной любви. Царь не испытывал страх перед народной стихией или же умело демонстрировал его отсутствие; являлся поводырем “боголюбивого” народа своего, показывал “отцовскую” любовь к нему.

В 1905 г. во время созыва I Государственной Думы, император пригласил депутатов в Зимний дворец, чтобы произнести тронную речь. Поскольку опыта подобных церемониалов у петербургского двора не было, обер-церемониймейстер граф В.А. Гендриков создал специальную комиссию по разработке нового ритуала, используя практику европейских конституционных монархий. Генерал А.А. Мосолов, начальник канцелярии при министерстве императорского двора, вспоминал: “Он, помню сильно и явно нервничал: боялся, что депутаты – чуждый двору и дворцовым обычаям элемент – не сумеют стоять в том порядке, который им будет предъказан”⁵⁶. Мелом были расчерчены линии в Тронном зале, где предстояло выстроиться народным избранникам перед тронном императора. В день приема перед депутатами прошествовала торжественная процессия: впереди императора государственные чины несли символы власти – знамя, печать, скипетр, державу и корону. Их сопровождали дворцовые гренадеры в полной парадной форме и высоких медвежьих шапках. В зале справа были размещены депутаты, слева – члены Государственного Совета, высшие чины двора и министры. Царская семья остановилась посредине зала, символизируя свое высшее положение в государстве. Немаловажно, что государственные регалии были представлены членам Государственной Думы – эта церемония подчеркивала государственный и легитимный характер российского парламентаризма. После молебна императрица и члены царской семьи прошли к возвышению с левой стороны от трона. Император затем прошел к трону и сел. Депутаты оставались стоять перед ним. Жест, который был особо подчеркнут в церемонии, и который подразумевал исключительное положение монарха. После вручения ему тронной речи, он встал и стоя огласил ее, затем спустился со ступенек трона. Выход последовал в том же порядке, но без выноса регалий. Никаких приветственных адресов, никакого диалога в пространстве власти не подразумевалось. Депутаты отправились в Таврический дворец на первое заседание Государственной Думы.

Эта помпезная церемония, призванная произвести эффект “схождения” власти к народу, вызвала взаимное раздражение обеих сторон. Депутаты, одетые в скромные гражданские мундиры, серые фраки, крестьянские армяки, были подавлены роскошью

⁵⁵ Мосолов А.А. Указ. соч., с. 179–180.

⁵⁶ Там же, с. 190.

расшитых золотом мундиров, сверканием драгоценностей, пышностью дамских туалетов, а главное – высокомерно учтивой атмосферой высшего света, которая еще более отдаляла от них монарха. Граф Фредерикс после завершения официальной церемонии открыто высказывал мнение, что “эти депутаты скорее похожи на стаю преступников, ожидающих сигнала, чтобы зарезать всех, сидящих на правительственной скамье. Какие скверные физиономии! Ноги моей больше не будет в Думе”⁵⁷. Больше император не ставил таких экспериментов, не пытался объединить высший свет с депутатским корпусом. Ритуал, характерный для конституционных монархий, спровоцировал внутреннее отторжение двух миров, враждебно настроенных друг к другу.

Умеренная вестернизация, которая по воле государей осуществлялась в России в XVIII – начале XX вв., привела к необратимым последствиям, которые самодержавие было уже не в силах контролировать. Николай II не скрывал своего критического отношения к Петру I, начавшему модернизацию России: “Этот предок, которого менее других люблю за его увлечения западною культурою и попираание всех чисто русских обычаев. Нельзя насаждать чужое сразу, без переработки. Быть может, это время как переходный период и было необходимо, но мне оно несимпатично”⁵⁸.

В начале XX в. власть пыталась сформировать новое культурное пространство в империи через присвоение прошлого той “святой матушки-Руси”, которая еще не была затронута прозападными экспериментами. Реконструировались исторические образы допетровской эпохи, которым придавались патриархальные, миротворческие, традиционалистские смыслы. Они создавали замкнутый круг самодержавной утопии, по которому осуществлялось вращение жизни императорского двора и церемоний последнего царствования. Николаю II достались в наследство разработанные К.П. Победоносцевым политические технологии власти, культивировавшие традиционалистские ценности и нежелание следовать прогрессистским западным веяниям. Эта намеренная “остановка во времени” стоила престолу потери престижа и ресурсов влияния на общество.

Русскость и исконность становились нормой придворной жизни. Это проявлялось во всем. Во всеподданейших докладах Николай II подчеркивал красным карандашом все иностранные слова, употребление которых не терпел в русском языке. Лингвистический национализм царя дополнялся разными идеями по изменению регламента придворной жизни. В окружении Николая II обсуждалась мысль об уничтожении современных придворных мундиров и заменой их на боярские костюмы эпохи Московской Руси. Николай, как и его отец, носил дома красные крестьянские рубахи. По царскому приказу такие рубахи надевали под мундир стрелки императорской гвардии. Во время высочайших выходов предписывалось, чтобы дамы были в “русских платьях со шлейфами”⁵⁹.

Создавая воображаемое и идеализированное пространство XVII в., романовская династия искала ресурсы влияния на современное общество в прошлом через мифологические образы первых Романовых, народность и миротворческое охранительство. Демонстративный путь “к истокам”, которым упорно и последовательно шел последний самодержец, был направлен к одной цели – национальной консолидации вокруг исторической династии. Политический сценарий этого царствования разрабатывался в расчете на то, чтобы династия смогла возглавить и регулировать процессы формирования русской нации, не допустить “средостение” в святая святых – сознание русского народа. По сути, престол стремился присвоить право на использование и трансляцию колоссальной силы национализма. Но последние Романовы не смогли реализовать намеченной цели, все более противопоставляя себя обществу, находясь в плену собственной консервативной утопии. Невозможность и нежелание понять веяния времени

⁵⁷ Там же, с. 182.

⁵⁸ Там же, с. 194.

⁵⁹ *Великий Князь Александр Михайлович*. Воспоминания. М., 1999, с. 203–204; *Дневник императора Николая II*. 1890–1906 гг. М., 1991, с. 136.

отразились и в казусах новых политических ритуалов, которые так и не стали нормой презентаций власти.

Лидер партии кадетов П.Н. Милюков, оценивая общественную ситуацию в России при Николае II, писал о «жалком провале юбилейных “Романовских торжеств”» и девальвации призывов к “большей вере в русский народ”, “исконной преданности родине”, “безграничной преданности государю”⁶⁰.

Общественную атмосферу в России рубежа XIX–XX в. определяли общеевропейские процессы либерализации и экономической модернизации. Самодержавная империя, идеология, практика и управление которой строились исключительно на принципе личной власти, столкнулась с фрондированием по отношению к власти даже в среде лояльных граждан. Историческая традиция монархизма все сильнее вступала в конфликт с новыми либерально-конституционными увлечениями общества. С первых дней воцарения от Николая II ожидали реформирования власти. Но в публичных выступлениях императора, особенно в первое десятилетие, твердо отстаивался принцип монархии. Риторика его выступлений основывалась на идее незыблемости “начал самодержавия”.

Николай II следовал технологиям презентации власти, разработанным во время царствования его отца Александра III. Освоение идеалистического образа “народного самодержавия” осуществлялось при помощи разнообразных инструментов государственной пропаганды – монументального строительства, верноподданнической литературы, государственной символики, в которую включались портреты царствующей четы, “народных праздников”, сопровождавших высочайшие выходы и общественные церемонии. Но желаемого эффекта так и не получилось. В российской имперской пропаганде на рубеже XIX–XX вв. так и не сформировался столь желаемый общественностью образ монарха – прогрессиста и реформатора, но упорно воспроизводился прямо противоположный образ самодержца, осененного многовековыми традициями. Династический миф последнего русского царствования создавался в условиях духовной конкуренции с интеллектуалами-модернизаторами и способствовал расколу общества на “своих” и “чужих”, что в конечном итоге и привело Россию к революции.

Конфликт бюрократии и самодержавия, модернизационные и охранительные стратегии, национализм и имперская идентичность как в России, так и в Австро-Венгрии, заслуживают дальнейшего осмысления. Россия после эпохи Великих реформ Александра II пошла по пути усиления консерватизма, укрепления охранительной, патриархально-монархической государственной идеологии. Эта тенденция изменила русский проект государственной идентичности, дополнив его консервативным историзмом и образами “народной монархии”. Австро-Венгерская государственность развивалась в другом направлении, уступая общественным инициативам и усиливая тем самым “гражданскую религию”, что впрочем, не спасло ни Российскую, ни Австро-Венгерскую империи, павшие под натиском революционных потрясений, вызванных глубочайшим внутренним кризисом и усугубленных Первой мировой войной.

⁶⁰ Милюков П.Н. Воспоминания, т. 2. Нью-Йорк, 1955, с. 183.